

БОМБЫ ЖЕНИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

НЕДАВНО я отправил в Вологодский областной краеведческий музей гармошку — память об ушедшем из жизни в 1963 году вологжанине Герое Советского Союза генерал-полковнике Евгении Николаевиче Преображенском.

Старенькая, выдавшая виды двухрядка честно послужила во время Великой Отечественной войны летчикам в минуты коротких перерывов между боями. Ее хозяин,

командир мино-торпедного авиационного полка Краснознаменного Балтийского флота полковник Е. Н. Преображенский любил погрузиться под раздумчивые аккорды незатейливого инструмента. И тогда обступавшие его летчики еще сильнее переживали разлуку с близкими. Протяжная, давно знакомая всем песня «Степь да степь кругом» или другой старинный русский напев будоражили душу. Еще ярче вскипала ненависть к врагу, топтавшему наши поля и степи, уничтожавшему города и села, где томились в неволе дорогие и любимые.

— Давай, Женя, что-нибудь повеселее, — просил комиссар Оганезов. — Всю душу вывернул.

И тогда двухрядка, оборвав грусть и тоску, звонко переключалась на разухабистые вологодские частушки:

Меня били, колотили, думали — ухлопали.
Для себя могилу рыли — сами пулю слопали.

— Хватит, повеселились. Сегодня пятисотки подвесим, по крупным объектам... Пусть лопают, — надевая унты, говорил полковник.

Летчики любили своего командира за смелость, за веселый нрав, за то, что был вместе с ними и на отдыхе, и там, в воздухе, особенно при выполнении трудных боевых заданий.

Вспоминается начало августа 1941 года. Обстановка на фронте тяжелая. Противник рвется к Москве, к Ленинграду... А тут еще ползут враждебно-панические слухи об уничтожении фашистами всей нашей боевой техники, танков, авиации. И вдруг в очередной сводке Совинформбюро объявляется: наши самолеты в ночь с 7 на 8 августа бомбили военные объекты Берлина. Эх, разрывов бомб в гитлеровском логове разнеслось по всей стране. Значит, есть у нас самолеты! Значит, есть чем воевать! Наши бомбили Берлин!..

Самолеты на столицу фашистской Германии вел полковник Преображенский. Это был трудный и рискованный полет.

Когда вылетели, небо было звездное. Потом, через два часа, навстречу самолетам поползла мутная дымка. Она сгущалась, становилась пепельно-серой, а потом превратилась в сплошную плотную облачность. Не видно ни земли, ни моря, ни неба.

Воздушные корабли летят по приборам. Они все глубже и глубже влезают в промозглую противную облачность. Серой мути нет конца. Самолеты набирают высоту, стараясь выбраться из ее плена. Давно надеты кислородные маски. Тяжело дышать, тошнит, слезятся глаза. Стекла очков заволокло изморозью, стынут руки, температура — минус 46 градусов...

— Как дела, штурман? — спрашивает Преображенский. — Где мы?

— Скоро Штеттин, — отвечает штурман Петр Ильич Хохлов. Он внимательно следит за картой и не замечает, что из ушей у него показалась кровь.

Вот и Штеттин. Он не затемнен. По мутному небу скользят лучи мощных прожекторов. Они ложатся вдоль аэродрома, приглашая самолеты сделать посадку. На штеттинском аэродроме проходят ночные учения, и немцы приняли наши самолеты за свои. Так и хочется сбросить бомбы, но этого делать нельзя: надо дойти до Берлина.

«Надо дойти, — упрямо твердит про себя Преображенский. — Обязательно дойти!» Об обратном тяжелом пути пока не думается...

За Штеттином погода еще больше ухудшилась. «Пробить бы эту проклятую облачность, — думает полковник. — Хоть бы маленький просвет». Так думает не только он. Так думают летчики на всех самолетах Преображенского.

— Скоро Берлин, — докладывает штурман.

Облачность неожиданно разорвалась, показалась бледная луна, на черном небе зажглись звезды. Внизу тоже россыпь огней.

— Как по заказу! — крикнул Преображенский Хохлову. — Не врезаться бы в аэростаты заграждения. Вон сколько их подвесили!

Штурман Хохлов нажал на рычаг бомбосбрасывателя. Снизу ударила взрывная волна. Цель накрыта точно! Отсветы взрывов выхватывают рушащиеся стены и перекрытия заводских корпусов, свечи труб. А справа, слева, сзади уже горят другие военные объекты — это работа боевых товарищей полковника. Взлетела на воздух электростанция, рвутся склады снарядов, ухнула бомба на железнодорожный вокзал...

Кротенко! Передай на базу: «Мое место Берлин».

Задачу выполнил. Возвращаюсь!» — скомандовал Преображенский радисту.

Берлин погрузился во тьму, притаился. Зенитки беспорядочно обстреливали небо. Но было уже поздно: красноразведывательные машины сбрасывали последние бомбы. Налет оказался неожиданным. Гитлеровцы считали, что у русских нет аэродромов, с которых можно было бы долететь до Берлина, нет таких летчиков, которые могли бы увеличить радиус действия имеющихся на вооружении бомбардировщиков. Они просчитались. Нашелся такой аэродром, были такие летчики!

В то время матросы Краснознаменной Балтики помогали частям 10-го стрелкового корпуса защищать суши окруженную фашистами главную базу флота — Таллин. Одновременно они упорно обороняли Моонзундский архипелаг. На его самом большом острове — Эзель (Сарема) — находился аэродром, с которого, если подобрать соответствующие, хорошо подготовленные экипажи летчиков, можно было достичь фашистского логова. Выбор командования пал на Евгения Николаевича Преображенского и его боевых товарищей. И они не подвели.

В ночь на 8 августа на аэродроме никто не спал. Все ждали возвращения самолетов, волновались, то и дело смотрели на подернутое утренней дымкой небо, прислушивались...

— Летят! Братцы, летят!.. Номера видны! Преображенский!

С задания вернулись все, потерь не было. Евгений Николаевич вышел из самолета и устало опустился на землю — идти, стоять не было сил. Рядом присели измотанные полетом штурман, другие летчики.

— Завтракать, Евгений Николаевич, завтракать! — Преображенского встречали как выдающегося героя, знали, что скоро грудь его украсит «Золотая Звезда»...

После этого первого полета — второй, третий и еще несколько... Теперь ПВО гитлеровцев встречала наши бомбардировщики смерчем огня и стали у самых границ Германии. Но самолеты Евгения Преображенского твердо держали курс в глубинные районы фашистского рейха, где с лихорадочной поспешностью изготовлялось оружие для уничтожения советских людей.

И снова в свободные от боевых дел минуты звучали в домике летчиков то старинные русские напевы, то весе-

лые и озорные частушки. Но теперь уже не под аккомпанемент старенькой двухрядки (она лежала у меня, оставленная хозяином), а нового, хорошего баяна. К музыке полковник был неравнодушен...

Однажды приехали в полк артисты. Среди них был семнадцатилетний баянист Виктор Алексеев. После концерта Виктора поздравил Евгений Николаевич и попросил попробовать свой баян. Взял Виктор несколько аккордов и заулыбался.

— Это же не баян, а целый оркестр! Мой ему, как говорят, и в подметки не годится!

— Нравится? — переспросил полковник. — Тогда берите его себе; пусть он будет ваш... Такого бы баяниста. Да к нам в полк!

— А я с удовольствием пойду. Можно на ваш самолет?

С тех пор и летал Алексеев в экипаже Преображенского стрелком-радистом. В каких только переплетах не был он вместе с полковником! Об одном из них хочется рассказать особо.

...Звездная морозная ночь. Казалось, внешне все благоприятствовало выполнению важного боевого задания. Преображенский захлопнул колпак кабины, и бомбардировщик, набирая скорость, побежал по взлетной дорожке. И уже через несколько минут на аэродроме была получена неожиданная радиограмма: «Иду курсом 250. Попал в сложные метеорологические условия»...

Потом забарахлил левый мотор. Повернуть назад? А как же задание?.. Летчик прибавил нагрузку на правый. Самолет набирает высоту, чтобы пробить тяжелые свинцовые тучи. Медленно тянутся минуты. Температура — минус 41 градус, а лицо заливают пот. «Теперь уже немного осталось до цели, — подбадривает себя полковник. — Дотяну, правый-то хорошо работает». А правый вдруг стал катастрофически перегреваться...

На самолете, кроме полковника, трое: штурман Хохлов внимательно следит за картой, радист Логинов пытается наладить утерянную связь с землей, стрелок-радист Алексеев лежит у хвостового пулемета. Никто из них не знает, что летчик напрягает все силы, чтобы дотянуть до цели...

- В правом моторе что-то хрустнуло, и он заглох. Хохлов тревожно оторвался от карты.

— Что будем делать? — спрашивает он и долго ждет ответа. — До цели шесть минут лету, — нетерпеливо до-
бавляет штурман.

— Пойдем на цель! — решительно говорит полковник.
— Левый дотянет.

И дотянул! Вот и цель. Серия бомб обрушивается на железнодорожную станцию, доотказа забитую войсками противника. Второй заход, третий. Машина полностью освободилась от своего смертоносного груза, оставив позади себя буйный разлив пожарища, самолет ложится на обратный курс. Скорость минимальная. Высота резко падает. Окончательно сдает и левый мотор.

— Где линия фронта? Я могу держаться еще пять минут, — говорит полковник штурману.

Теперь минуты летят как настеганные. Надо садиться, а то конец. Стремительно приближается земля. Крылья задевают за верхушки деревьев, и самолет мягко зарывается в глубокий снег...

— Вылезай, приехали! — командует полковник.

Алексеев думал, что самолет сел на аэродром, настолько плавно посадил его командир.

— Как же так, — говорит он Логинову. — Надо было вернуться, когда еще стал барахлить левый мотор.

— Надо было накрыть цель! — отвечает Логинов. — И Евгений Николаевич это сделал. Знаешь, сколько гиллеровцев погубло? На каждого из нас десятки, а может сотни приходится. Полковник все учел. Может, он сорвал наступление фашистов!

Сняли с турелей пулеметы. Подсчитали патроны.

— Если встретимся с немцами, — наставляет полковник, — боеприпасы расходовать так: бить с расчетом, без промаха. По одному патрону оставить для себя.

— У меня нет револьвера, — заявил Алексеев.

— Ладно. У нас с тобой будет один пистолет. Я оставлю три патрона, один на случай осечки.

Двое суток искали летчики полка пропавший самолет. Двое суток, выбиваясь из сил, голодные и промокшие, брели четверо по глубокому снегу. Наконец вышли на дорогу. По ней шел грузовик, в котором оказались наши армейцы. Они отвезли потерпевших аварию в ближайшую воинскую часть, в городок, недавно отбитый у противника. На следующие сутки за летчиками прислали самолет.

Евгений Николаевич сразу же распорядился собрать летчиков полка. Он подозвал секретаря парторганизации и попросил его снять плакат, на котором было написано: «Привет вам, герои Преображенский и Хохлов!».

— Мне стыдно на него смотреть, — сказал он. — Стыдно за свою беспечность. Правый мотор отказал потому, что техники готовили самолет бездушно. В этом виноват я, командир, не сумевший воспитать у них высокую ответственность. На самолете не оказалось бортпайка. Оставшись в живых после вынужденной посадки, мы могли умереть с голода. Виноват я, командир. На самолете не было лыж. Будь лыжи, мы не выбились бы так из сил. Тоже я виноват. Кто же другой, как не командир, отвечает за все эти непорядки?..

— Этот случай должен научить нас многому, — сказал полковник, когда были вскрыты все недостатки и названы их виновники. А вслед за тем последовали распоряжения о предупреждении подобного.

— На войне погибнуть не мудро, — заключил он. — Но умирать из-за случайного стечения обстоятельств — преступление перед Родиной.

Таким был Женя Преображенский, как ласково, в своем кругу, называли Евгения Николаевича летчики. Он умел воевать мужественно и бесстрашно. Он умел с пользой для дела беспощадно вскрывать и чужие, и свои недостатки.

— Теперь бы баньку соорудить, — повеселев после совещания, сказал Евгений Николаевич. Жарко натопленная баня была его слабостью...

Парилось несколько человек.

— Как ты выдерживаешь такую жару, Евгений? — спросил последний задержавшийся на полке.

— Я русский. Все русские любят попариться, — ответил Евгений Николаевич, нахлестываясь веником. — И Чкалов любил, и Чапаев любил... Еще поддать, что ли? — И плеснул на раскаленную каменку шайку воды. — Люблю выносливых!..

«Выносливый» кубарем скатился вниз, а Евгений Николаевич, скрываясь в новых клубах пара, забрался повыше и уже оттуда крикнул вдогонку выбегавшему в предбанник:

— Вот мы скоро фашистам устроим баньку... Такую баню дадим, что век помнить будут!